

Испытатели. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

Испытатели. Максим Горький

В курорте Сестрорецк был банщик Степан Прохоров, благообразный, крепкий старик, лет шестидесяти. Странно смотрели на людей его выпуклые, фарфоровые глаза, - блестело в них что-то слишком светлое и жестокое, но улыбались они ласково и даже, можно сказать, милостиво. Казалось, что во всех людях он видит нечто достойное сожаления. Его отношение к людям внушало мысль, что он считает себя мудрейшим среди них. Двигался он осторожно, говорил тихо, как будто все вокруг него спали, а он не хотел будить людей. Работал солидно, неумоимо и охотно брал на себя работу других. Когда тот или иной служащий курзала (общественное помещение в банях, лечебницах, на курортах - Ред.) просил его сделать что-нибудь, Прохоров, вообще немногословный, говорил торопливо и утешительно:

- Ну, ну, - сделаю я, брат, сделаю, не беспокойсь!

И делал чужое дело благожелательно, без хвастовства, точно милостину подавая лентяям.

А держался он в стороне от людей, одиноко; я почти не видал, чтобы в свободный час старик дружески беседовал с кем-либо из сослуживцев. Люди же относились к нему неопределённо, но, видимо, считали его глуповатым. Когда я спрашивал о Прохорове: "Что это за человек?" - мне отвечали:

- Так себе человек, обыкновенный.

И только лакей, подумав, сказал:

- Старик - гордый. Чистюля.

Я пригласил Прохорова вечером пить чай, в мою комнату, огромную, как сарай, с двумя венецианскими окнами в парк, с паровым отоплением; каждый вечер в девять часов трубы отопления шипели, бормотали, и, казалось, кто-то глухим шёпотом спрашивает меня:

"Хотите рыбы?"

Старик пришёл одетый щёголем: в новой, розового ситца, рубашке, в сером пиджаке, в новых валенках; он аккуратно расчесал широкую, сивую бороду и смазал серые волосы на голове каким-то жирным клеем едко-горького запаха. Степенно попивая чай с красным вином и малиновым вареньем, он вполголоса, очень связно и легко рассказал мне:

- Правильно изволили приметить, - я человек добрый. Однакож - родился я и половину жизни прожил, как все, без внимания к людям, добрым же стал после того, когда потерял веру в господина бога. А это произошло со мною от непрерывных удач в жизни. Удача преследовала меня со дня рождения; отец мой, слесарь во Мценске, так и говорил: "Степанка родился на счастье", потому что в год рождения моего ему удалось разжиться, открыл свою мастерскую. И в играх я был удачлив и учился играючи; не испытал никаких болезней и неприятностей. Кончил училище - сразу попал в богатое поместье, в контору, к хорошим людям; хозяевами был любим, барыня говорила мне: "Ты, Степан, имеешь способности, береги себя". И это верно: способностей у меня было настолько много, что я сам себе удивлялся: откуда они? Даже лошадей лечил, не имея никакого понятия, чем они хворают. Любую собаку выучивал ходить на задних лапах, и не боем, а только лаской учил. На женщин тоже имел удачу: какая нравится, та и явится, без запинки. В двадцать шесть лет был я старшим конторщиком и, без ошибки говорю, мог бы стать управляющим. Господин Маркевич, писатель книг, вроде вас, восхищался: "Прохоров настоящий русский человек, как Пурсам". Кто таков Пурсам - не знаю, но господин Маркевич был к людям строг, и его похвала - не шутка! Очень я гордился собою, и всё шло хорошо. Были у меня деньжонки прикоплены, собирался жениться и уже присмотрел приятно подходящую мне барышню, но вдруг, незаметно для себя, почувствовал опасность жизни. Загорелся у меня любопытнейший вопрос: "Почему мне во всём удача? Именно - мне?" Вспыхнул вопрос этот, и даже спать не могу. Бывало, устанешь за день, как лошадь на пашне, а - ляжешь спать и думаешь, открыв глаза: "Почему мне удача?" Конечно - способности у меня, богомолен я, неглуп, скромн, трезв.

Однако же: вижу людей многим лучше меня, но им не везёт фортуна. Это – вполне ясно. Думал, знаете, думал: "Как же ты, господи, допускаешь такое? Живу, точно ягода в сахарном варенье, а однако кто же меня съест?" И всё у меня на уме одно это. Чувствую, что в удачной жизни моей скрыта какая-то хитрость, как будто заманивают меня приятностями, – к чему манят? Мысленно спрашиваю: "Куда, господи, ведёшь?" Молчит господин бог... Молчит.

– Тогда решил я: дай-ка попробую бесчестно жить, что будет? И взял из кассы денег четыреста двадцать рублей, в том расчёте, что за кражу свыше трёх сот в окружном суде судят. Хорошо. Взял. Конечно – хватились, управляющий Филипп Карлович, добрейший человек, спрашивает: "Где?" – "Не знаю". А сделано было так, что кроме меня подумать не на кого. Вижу: Филипп Карлович весьма смущён и тоскует. Ну, думаю, зачем же мучить хорошего человека? Говорю ему: "Деньги украл я". Не верит, – "Шутишь", кричит. Однако – поверил, доложил барыне, та даже испугалась: "Что с тобой, Степан?" – "Судите", говорю. Рассердилась она, покраснела, рвёт пальцами оборку кофты: "Судить, говорит, я не стану, но ты так нахально держишься, что, сам согласишься..." Я согласился и ушёл от них, уехал в Москву, а деньги возвратил почтой, от чужого имени, не от своего...

Я спросил старика:

– Зачем же вы это сделали? Пострадать захотелось?

Удивлённо подняв густые, колючие брови, он усмехнулся в бороду и вытряс из неё усмешку ударами чисто вымытой ладони по курчавым волосам бороды.

– Ну, нет, – зачем же мне страдать? Я – любитель спокойной жизни. Нет, – просто любопытство одолело меня: почему мне удача? А может, осторожность заставила: испытать хотел – насколько прочны удачи мои? Вообще же молодость, хе-х! Играет человек сам собой. Хотя однако тут не чистая игра, то есть не одна чистая игра. Необыкновенно жил: в холе и ласке, подобно комнатной собачке. Люди вокруг морщатся, охают, а я – осуждён господином богом на спокойную жизнь до конца дней, как видно. Всем людям – разные испытания, а мне – ничего, как будто я не достоин обыкновенного, человеческого. Вот и всё, полагаю...

– Н-ну-с, лежу в Москве, в гостинице, в номере, думаю: "Другого бы за рубль под суд отдали, а мне и за четыреста рублей – ничего!" Даже смешно стало: вот она, неудача! "Нет, думаю, погоди, Степан!" Присматриваюсь к людям; гостиница грязненькая, народ в ней тёмный, картёжники, актёры, мятые бабёнки. А один выдавал себя за повара, однако оказался, по ремеслу, вором. Завёл я с ним знакомство. "Как живёте?" – спрашиваю. "Да так, говорит, когда – густо, когда – пусто, когда – нет ничего". Разговорились. "Есть, говорит, у меня в виду одно дельце, но – требуется хороший инструмент, а инструмент дорогой, денег же у меня нету". "Ага, думаю, вот оно!" Спрашиваю его: "Разрушения чужой жизни не будет?" Он даже обиделся: "Что вы, шипит, мне своя башка очень дорогая!" Н-ну-с, дал я ему денег на инструменты и чтобы, в награду мне, взял он меня с собой на грабёж. Поломался он, поартачился, однако – взял. Занятие его не понравилось мне, как будто ходили мы в гости, а хозяев не застали дома. Отперла нам дверь черномазенькая девица, как видно – знакомая его, он её сейчас же локвом связал по рукам, по ногам и начал ковырять какой-то шкаф, ковыряет, а сам тихонько посвистывает. Простота. Как пришли, так и ушли, не испытал ни малого беспокойства. Человек этот сейчас же скрылся из Москвы, а я живу один, дурак дураком. "Так? – думаю. – Опять удача?" И смешно мне, и злюсь на всё. В озлоблении на себя и на господина бога, который ведь должен был видеть всё, что я делаю, пошёл я в театр, сижу на балконе, а через человека от меня сидит эта черномазенькая девица, смотрит на сцену и слёзы платочком оттирает. В перерыве комедии подошёл я к ней. "Кажется, знакомы?" – говорю. Ну, она однако не отвечает. Напомнил я ей кое-что. "Ах, говорит, тише, пожалуйста". Спрашиваю: "От какой печали слёзы льёте?" – "Принца, говорит, жалко!" – это на сцене принц какой-то извивался. После театра пошла она со мной в трактир, а из трактира увёл я её к себе в номер, и стали мы жить вместе, вроде любовников. Она, принимая меня за настоящего вора, спрашивает: "Дел нету?" – "Дел у меня нет", говорю. "Хорошо, я тебя познакомлю с компанией". Познакомила. Оказалось, что хотя и воры, однако ребята хорошие. Особенно – один, Костя Башмаков, удивительное создание обстоятельств природы, словно ребёнок, такая ясная, весёлая душа! Очень я подружился с ним. И сознаюсь ему: "Мне, собственно, ничего не надо, я только из любопытства вором стал". А он говорит: "Я тоже от живости души, очень, говорит, много хорошего на земле, и приятно жить. Мне, говорит, иной раз хочется

Испытатели. Максим Горький gorki.ucoz.ru

на улице крикнуть: братцы, ловите меня, я есть вор!" Забавная личность, но вскорости, прыгнув на ходу поезда, сломал он себе руку, а потом приключилась ему чахотка, уехал в степь, кумыс пить. Валандался я с этой компанией, - трое было их, - четырнадцать месяцев, воровали мы по квартирам и в поездах, и ожидал я, что вот завтра случится необыкновенное, страшное, однако всё сходило с рук вполне благополучно. Голова компании Михайло Петрович Борохов, очень почтенный человек и приметный умница, однажды говорит: "Это нам с той поры фортуна повезла, как пристал к нам Степан". Опамятовали меня его слова, воротился я от рассеянной жизни к себе самому, задумался: "Что же теперь? Человека убить мне, что ли?" И мыслишка эта воткнулась в сердце занозой, воткнулась, сидит, нарываёт. Ночью сяду на койке, суну руки в колени и думаю: "Как же это так, господин бог? Стало быть, вам всё равно, как я живу? Ведь вот собираюсь я человека убить, подобного мне, и очень просто могу убить. Как же это?" Молчит господин бог...

Старик глубоко вздохнул и стал намазывать ложкой варенье на хлеб.

- Гордый вы человек, - сказал я.

Снова приподняв тяжёлые, мохнатые брови, он пристально посмотрел на меня фарфоровыми глазами, теперь они показались мне особенно пусты и жёстко светлы.

- Нет, зачем же! - ответил он, заботливо расправляя бороду, чтоб не испачкать её вареньем. - Человеку гордиться нечем, как я полагаю.

И, аккуратно отправляя в свой волосатый рот маленькие кусочки хлеба, он продолжал всё так же, вполголоса, говоря как бы о человеке чужом, мало приятном ему:

- Так-то-с, молчит господин бог. А тут сразу и подсунулся мне соблазнительный случай. Залезли мы ночью на дачу, действуем, - вдруг откуда-то, в темноте, сонный голосок: "Дядя, это ты?" Товарищ мой вышмыгнул на балкон, а я присмотрел - вижу: дверь, а за нею кто-то возится. Приоткрыл дверь, а там, в уголку, на кровати лежит мальчонко лет двенадцати и головку руками скребёт, длинноволосый такой. И снова спрашивает: "Дядя?" Смотрю я на него, а у меня руки, ноги дрожат, сердце замирает. "Вот, думаю, случай, ну-ко, Степан, ну-ко!" Да вовремя спохватился: "Нет, думаю, на это я не пойду, нет! Может, ты меня, господин бог, всеми удачами к этому греху - к убийству невинного - и заманивал? К этой яме и вел, спокойной-то тропой? Нет, не-ет..." И так эта догадка осердила меня, что даже не помню, каким ходом я ушёл и очутился в лесу.

- Сижу под деревом, рядом со мною товарищ папироску курит, ругается тихонько. Дождик кропит нас, по лесу - звонкий шёпот, а перед глазами у меня, в темноте, мальчонко этот полусонный, беззащитный, вполне в моих руках. Минутка, и - нет мальчика! "Хе-х", - думаю...

- Это совсем ошарашило меня, с этим я уж никак не мог согласиться и даже сам себя беззащитным мальчиком чувствую. Вы подумайте-ко пристально: вот вы сидите и не можете знать, что я через минуту начну делать, и я не знаю этого про вас. Вдруг, - ведь разное приходит в голову, - вдруг - вы меня, а то - я вас... а? Очень соблазняет эта взаимная беззащитность. И вообще - кто руководит нами? То-то-с...

- Утром пришёл я в город и прямо к судебному следователю: "Извольте меня арестовать, ваше благородие, как я есть вор". Оказался он очень хорошим барин, ласковый, худощавый такой, только - глуповат, конечно. "Почему же, спрашивает, сознаётесь вы, с товарищами поссорились, добычу не поделили?" - "У меня, говорю, товарищей не было, работал один". И, сглупив, рассказал ему подробно, вот как вам говорю, всю историю моего недоразумения и как господин бог злобно играл со мной.

Перебив его речь, я спросил:

- Но почему же, Степан Ильич, бог, а не дьявол?

Старик уверенно и спокойно объяснил:

- Дьявола - нету, дьявол - это выдумка хитрого разума, это люди для оправдания

Испытатели. Максим Горький gorki.msk.ru

гнусности своей выдумали, а также и в пользу бога, чтобы ему ущерба не нанести. Есть только бог и человек – больше ничего. И всё подобное дьяволу, – примерно, Иуда, Каин, царь Иван Грозный, – это тоже людские выдумки, это придумано для того ради, чтобы грехи и пакости множеств нагрузить на одно лицо. Уж – поверьте... Хе-х, запутались мы, жулики, и всё выдумываем что-нибудь хуже нас – дьявола и прочее. Плохи, дескать, да – не очень, есть и похуже...

– Так, значит, следовательно. Картинки у него на стенах повешены и кругом домашний уют образованного человека. Лицо – доброе. Однако – доброе лицо ничего не значит, под этой вывеской частенько очень дрянным товаром торгуют. Говорю я ему, а над головой у меня кто-то на рояли барабанит, и так неприятно было слышать это легкомыслие. "Хе-х, думаю, господин бог, как это у вас всё нехорошо запутано!" Говорил я долго, следовательно слушал меня, как старушка попа в церкви, однако – ничего не понял. "Вас, говорит, конечно, надобно судить, но я ручаюсь, что оправдают вас, если вы всё мне сказанное и судьям скажете. И впереди, говорит, у вас не тюрьма, а, по-моему, монастырь!" Обидно стало мне.

"Ничего, говорю, вы не поняли, и больше разговаривать не желаю". Н-ну, отправил он меня в полицию, а там пристали ко мне сыщики. "Мы, говорят, знаем, что кражи, в которых ты сознался, не одним тобою сделаны, скажи нам – где товарищи? Затем – иди к нам на службу". Я, конечно, отказал им в этом, а они меня – бить. Голодом морили. Тут я действительно протерпел несколько. Потом – суд. Суд очень не понравился мне, говорить я с ним не пожелал. Рассердились судьи, закатали меня в тюрьму. Сажу в тюрьме, вокруг меня люди, подобные червям и зверям; выбрали они меня старостой. "Хе-х, думаю, плохо всё это, господин бог, очень плохо!" Думаю и вижу: как ты ни живи, человек, никто, кроме тебя, жизнью не руководит! Ну, о тюрьме, как о бородавке, ничего хорошего не скажешь. Вышел из тюрьмы, поглядел туда, сюда, пошатался по земле, стал работать на чугунном заводе, – бросил. Жарко. К тому же чугун, железо и всякий металл не люблю я – от него исходит вся тяжесть жизни, тяжесть, грязь и всякая ржавчина. Без металлов человек был бы проще, жил легче. Совался я в разные дела, даже сортиры чистил, признаться, тянуло меня на самую грязную работу. Потом – надумал: "Дай-ко пойду в банщики!" И вот уж семнадцать лет мою людей да стараюсь ничем не тревожить их. В тревогах наших толку мало, нет в них толку, если серьезно поглядеть! Живу без бога. Людей жалко, по причине оброшенности их, и жить мне – скушновато...

Месяца за два до смерти своей Л.Н.Святухин рассказал мне:

– Из всех убийц, которые прошли предо мною за тринадцать лет, только ломовой извозчик Меркулов вызвал у меня чувство страха пред человеком и за человека. Обыкновенно убийца – безнадёжно тупое существо, получеловек, не способный отдать себе отчёт в преступлении, или – хитренький пакостник, визгливая лисица, попавшая в капкан, или же – задёрганный неудачами, отчаявшийся, озлобленный человечешко. Но, когда предо мною встал Меркулов, я тотчас почувствовал что-то особенно жуткое и необычное.

Святухин закрыл глаза, вспоминая:

– Большой, широкоплечий мужик лет сорока пяти, худощавое, благообразное лицо, – такие лица называют иконописными. Длинная, седая борода, курчавые волосы тоже седые, с висков – лысые взлизы, а по середине лба торчит рогом эдакий задорный вихор, и, несоответственно, противоречиво вихру, из глубоких глазниц, мягко и жалостливо смотрят на меня умные серые глаза.

Тяжело выдохнув трупный запах, – следовательно умирал от рака желудка, Святухин нервно сморщил измученное, землистое лицо.

– Меня особенно смутило именно это выражение жалости в его взгляде, откуда оно? И моё равнодушие чиновника исчезло, уступив место очень беспокойному любопытству, новому и неприятному для меня.

– На вопросы мои он отвечал глуховатым голосом человека, который не привык или не любит говорить много, ответы его были кратки, точны, было ясно, что Меркулов готов дать откровенное показание. Я сказал ему слова, которых не сказал бы другому подследственному:

– "Хорошее лицо у вас, Меркулов, не похожи вы на человекоубийцу".

Испытатели. Максим Горький gorkiymaxim.ru

- Тогда он, точно гость, взял стул, особенно крепко сел на него, упёрся ладонями в колени и сразу заговорил, точно - глупое сравнение - на волынке заиграл, у волынки есть такая большая глуховатая дудка, как фагот.

- "Ты думаешь, барин, если я убил, так я - зверь? Нет, я не зверь, и если ты почуял это, так я тебе расскажу судьбу мою".

- И - рассказал спокойно, обречённо, так, как убийцы не говорят о себе, - не оправдываясь, не пытаясь разжалобить.

Следователь говорил очень медленно и невнятно, его шершавые губы, покрытые серой какой-то чешуёй, шевелились с трудом, он часто облизывал их тёмным языком, закрывая глаза.

- Мне хочется вспомнить его подлинные слова. В них была особенная значительность. Слова поражающие... Этот его жалостливый взгляд на меня тоже подавлял. Поймите: не жалобный, а - жалостливый. Он - меня жалел. Хотя я тогда был ещё здоров...

- Первый раз он убил при таких условиях: осенью, вечером вёз с пристани сахарный песок в мешках и заметил, что сзади воза идёт человек, распорол мешок, черпает сахар горстью и ссыпает его в карманы себе, за пазуху, Меркулов бросился на него, ударил по виску - человек упал.

- "Ну, я его ещё ногой пнул и поправляю распоротый мешок, а человек этот под ногами у меня лежит вверх лицом, глаза вытаращены, рот раскрыт. Стало мне страшно, присел на корточки, взял его за голову, а она, тяжеленная, как гиря, перекачивается у меня с ладони на ладонь, и глаза его будто подмигивают, а из носу кровь течёт, руки мои мажет. Вскочил я, кричу: "Батюшки, убил!"

- Отправили Меркулова в полицию, потом - в тюрьму.

- "Сижу я в тюрьме, вокруг - люди преступные, а я будто сквозь туман всё вижу и ничего не понимаю, страшно мне, не спится, и хлеб есть не могу, всё думаю: "Как же это? Шёл человек по улице, стукнул я его, и - нет человека! Что ж это такое? Душа-то где? Ведь - не баран, не телёнок; он в бога верует, поди-ка, и хоть, может, характер у него другой, а ведь он таков же, как я. А я вот переломил его жизнь, убил, как скота всё равно. Ведь эдак-то и меня могут, - стукнут, и - пропал я!" От этих мыслей так страшно было мне, барин, что ночами слышал я, как волосы на голове растут".

- Рассказывая, Меркулов очень пристально смотрел на меня, но, хотя его светлые глаза были неподвижны, мне казалось, что я вижу в сероватых зрачках его мерцание ночного страха. Руки он сложил ладонями вместе, сунул их между колен и крепко сжал. Наказали его за нечаянное убийство легко, зачли предварительное заключение и отправили на покаяние в монастырь.

- "Там, - рассказывал Меркулов, - приставили ко мне старичка монаха, для научения моего, как надо жить; ласковый такой старичок, и о боге говорил он как нельзя лучше. Хороший. Вроде отца мне был, всё - сын мой, сын мой. Слушаю я его, да нет-нет и спрошу: "Ладно, бог! А почему же человек настолько непрочен? Вот, говорю, ты, отец Павел, бога любишь, и он тебя, наверно, любит, а я вот ударю тебя и убью, как муху. Куда же ласковая твоя душа тогда денется? Да и не в твоей душе задача, а в моей злой мысли: могу я тебя убить каждую минуту. Да и мысль моя, говорю, вовсе не злая, я даже очень ласково могу тебя убить, даже помолюсь сначала, а после - убью! Вот ты мне что объясни". Ну, он не мог объяснить этого; он всё своё говорил: "Это в тебе дьявол зверя будит! Он тебя тревожит". Я говорю: "Мне всё едино кто тревожит, а ты научи, как мне быть, чтобы не тревожило? Я, говорю, не зверь, ничего звериного нет во мне, а только душа моя за себя испугалась". - "Молись, говорит, до изнурения!" Я - молюсь, иссох даже, виски сесть начали, а мне в ту пору было двадцать восемь лет сроку жизни. Молитва страха моего не может избыть, я, и молясь, думаю: "Как же это, господи? Вот - я могу в минуту любого человека смерти предать и меня любой человек может убить, когда захочется. Усну, а меня кто-нибудь шаркнет ножиком по горлу, а то кирпичом, обухом по голове. Гирей. Да - мало ли как!" От мыслей этих спать не могу, боюсь. Спал я вначале с послушниками, ночью пошевелится который из них, - я вскочу и - орать: "кто возится? Лежите смирно, так вашу мать!" Все меня боятся, и я всех боюсь. Пожаловались на меня, тогда отправили меня в конюшню,

там, с лошадьми, стало мне спокойнее, лошадь – скот бездушный. Ну, всё-таки спал я вполглаза. Боязно".

– Отбыв эпитимью, Меркулов снова взялся за работу извозчика, жил он на огородах, за городом, жил трезво, сосредоточенно.

– "Как во сне живу, – говорил он. – Всё молчу, людей сторонюсь. Извозчики спрашивают: "Ты что, Василий, угрюмо живёшь, али в монастырь собираешься?" Что мне монастырь? И в монастыре – люди, а где люди, там и страх. Гляжу я на всех, думаю: "Сохрани вас господь! Непрочна ваша жизнь, нет вам от меня защиты, и мне от вас защиты тоже нет". Сообрази, барин, каково было мне жить с этакой тягой на душе?"

Вздохнув, Святухин поправил чёрную шёлковую шапочку на голом черепе, матовом, точно старая, трухлявая кость.

– Вот тут, при этих словах, Меркулов усмехнулся, неожиданная, неуместная усмешка так перекривила, исказила его благообразное лицо, что я тотчас поверил: конечно, он – зверь. И, наверное, убивал людей вот именно с этой улыбкой. Мне стало нехорошо. А он продолжает и уже как будто с досадой:

– "Хожу я между людей, вроде курицы с яйцом, а яйцо-то гнилое, и я про это знаю. Вот-вот лопнет оно в нутре моём – что тогда будет со мной? Не знаю что, не могу придумать, а понятно мне: очень страшно должно быть".

– Я спросил его: думал ли он о самоубийстве?

– Помолчав, шевеля бровями, он сказал:

– "Не помню, будто – ни разу не думал".

– И тоже спросил, очень удивлённо, кажется – искренно:

– "Как я не вспомнил про это? Дивное дело..."

– Хлопнул ладонью по колену, взглянул куда-то в угол, бормочет, как бы обиженно:

– "Ишь ты... Значит – не хотел я душе волю дать. Уж очень мучило меня любопытство её к людям, трусость её обидная. Забыл себя-то. А она примеривается: ежели вот этого убить, – что будет? Да, примеривается всё..."

– Через два года Меркулов убил полуумную девицу Матрёшу, дочь огородника. Он рассказал мне об этом убийстве неясно, видимо, сам не мог понять мотивов убийства. По его словам выходило, что Матрёша была блаженная:

– "Находило на неё затмение разума: вдруг бросит копать гряды или полоть и куда-то идёт, разинув глаза, усмехаясь, будто кто невидимо поманил её за собою. Натыкается на деревья, заборы, на стены, словно сквозь хочет пройти. Однажды наступила на железные грабли, пронзила ногу, кровь из ноги течёт, а она шагает, ничего не чувствуя, не сморщилась даже. Была она девица некрасивая, толстая, а – распутна по глупости своей, сама к мужикам приставала, а они, конечно, пользовались глупостью её. Ко мне тоже приставала, ну, мне было не до того. Соблазняло меня в ней то, что ничего с ней не делается: в яму ли свалится, с крыши ли упадёт – ей всё нипочём. Другой бы руку вывихнул, сломал себе какую-нибудь кость, а она – ничего. Как будто не по земле ходит. Конечно, в синяках, в ссадинах вся, а прочности необыкновенной. Было похоже, что живёт полудурья эта в твёрдой охране. Убил я её при людях, в воскресенье, сидел я на лавочке у ворот, а она начала заигрывать со мной нехорошо, тут я её – поленом. Свалилась. Гляжу – мёртвая. Сел на землю около неё и даже заплакал: "Что это, господи? Какая слабость, какая беззащитность!"

– Он долго, тяжёлыми словами и как в бреду говорил о беззащитности человека, и в глазах его разгорелся угрюмый страх. Сухое лицо аскета потемнело, когда он сказал мне, сквозь зубы:

– "Ты подумай, барин, ведь вот я в эту минуту самую вдруг могу тебя убить, а? Подумай-ко? Кто мне запретит? Где запрет нам? Ведь нет запрета нигде, ни в чём нет..."

- Наказали его за убийство девицы тремя годами тюрьмы, он объяснил лёгкость наказания хорошей защитой, но защитника своего угрюмо осудил:

- "Молодой такой, лохматый крикун. Кричал всё: "кто может сказать худое про этого человека? Никто из свидетелей ни слова не сказал. А убитая была безумна и распутна". Защитники эти – баловство. Ты меня до греха защити, а когда я грех сделал, убил, – защита мне не надобна. Держи меня, покамест я стою, а коли побежал – не догонишь! Побежал, так уж буду бежать, покуда не свалюсь, да... Тюрьма – тоже баловство, безделье. Распутство. Из тюрьмы вышел я, как сонный, – ничего не понимаю. Идут люди, едут, работают, строят дома, а я одно думаю: "любого могу убить, и меня любой убить может". Боязно мне. И будто руки у меня всё растут, растут, совсем чужие мне руки. Начал пить вино – не могу, тошнит.

- "Выпимши – плачу, уйду куда потемнее и плачу: не человек я, а помешанный, и жизни мне – нет. Пью – не пьян, а трезвый – хуже пьяного. Рычать начал, рычу на всех, отпугиваю людей, боюсь их. Всё кажется мне: я его или он – меня. И хожу по земле, как муха по стеклу, лопнет стекло, и провалюсь я, полечу неизвестно куда.

- "Хозяина, Ивана Кирилыча, убил я тоже по этой причине, из любопытства. Был он человек весёлый, добрый человек. И необыкновенной смелости. Когда у соседей его пожар был, так он, как бессмертный, действовал, полез прямо в огонь, няньку вывел, потом опять полез, за сундучком её, – плакала нянька о сундучке своём.

- "Счастливым человеком был Иван Кирилыч, упокой его господи! Мучить я его, действительно, мучил. Тех двух – сразу, а этого маленько помучил: хотелось понять, как он: испугается али нет? Ну, он был слабый телом и скоро задохся. Прибежали люди на крик его, бить меня, вязать. Я говорю им:

- "Вы мне не руки, вы душу мне связали бы, дураки..."

- Кончив рассказывать, Меркулов вытер ладонью вспотевшее лицо и посоветовал спокойно:

- "Вы меня, ваше благородие, судите строго, на смерть судите, а то что же? Я с людьми и в каторге жить не могу, обиделся я на душу мою, постыла она мне, и – боязно мне, опять я начну пытаться её, а люди от того пострадают... Вы меня, барин, уничтожьте..."

Мигнув умирающими глазами, следователь сказал:

- Он сам уничтожил себя, удавился. Как-то необычно, на кандалах, чёрт его знает как! Я не видал, мне рассказывал товарищ прокурора; "Большая, сказал, сила воли нужна была, чтоб убить себя так мучительно и неудобно". Так и сказал – неудобно.

Потом, закрыв глаза, Святухин пробормотал:

- Вероятно, это я внушил Меркулову мысль о самоубийстве... Вот, батенька, простой русский мужик, а – извольте видеть? Да-с...

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!